

Когда меня закинули в камеру, я окончательно почувствовал: ну, вот я и на Родине...

Жизнь в Германии – не сахар

Наверно, у многих возникнет вопрос: в поисках какого счастья я отправился в Германию и почему там не остался? Мой дом в Грозном был разрушен еще в прошлую военную кампанию, источники к существованию не было никаких. Были слухи, что чеченцев там хорошо принимают. Но пожив немного среди немцев, я понял, что Германия – не моя страна. В России, хотя я и чеченец, но какими-то правами, нет, да и могу воспользоваться. В Гер-

– идеальной чистоты и красоты. И нет там никаких космических сплавов, ничего такого, чего у нас нельзя сделать. Надо просто захотеть.

Менталитет у немцев совсем другой. Мне ужиться с ними было бы очень трудно. Все мои родственники тут, в России. Я больше россиянином себя ощущаю, чем немцем. Если я себя и ощущаю не совсем полноценным россиянином, то уж немцем не могу ощутить себя никак. Чем быть всю жизнь человеком второго или третьего сорта там, я лучше буду жить в своей стране, восстанавливать свою

ласковому и доброму "дяде" Бочарову с удивительно цепкой памятью, что мне нужно как можно быстрее выбрать: я не знаю, где мои дети, жена и мать, с которыми не могу связаться. А крайне скудная информация от родственников из Москвы заставляет меня еще больше волноваться.

Следующая встреча с Бочаровым произошла спустя две недели в аэропорту Дюссельдорфа, куда он привез разовое разрешение на мой въезд в Россию. Там-то я и спросил его:

– А не случится ли так, что в Москве, в силу моей национальной принадлеж-

уже не воспринималось мной как нечто выходящее за рамки служебной этики этих людей.

Поначалу речь шла о незаконном пересечении границы, но в итоге мне посоветовали, если воспринимать обещание "отвезти куда следует и спокойно поговорить" как аргумент, расколется и чистосердечно рассказать: где, в каком бандформировании, под чьим началом и в каких операциях против федералов я воевал. Но признаваться мне было не в чем: не был, не участвовал, не знаю. Верить мне упорно не желали и, видимо посчитав,

не унимался я, в расчете на то, что сидевшие в соседней клетке "обезьяннике" кавказцы явно не тянули на опасных преступников и имели по сравнению со мной больший шанс оказаться на свободе раньше. – Вы запишите на всякий случай...

– Да не буду я никогда звонить.

– Но вы все равно запишите: 468-- --, – а сам смотрю на азербайджанца.

И я повторял номер телефона до тех пор, пока тот не кивнул: все, мол, понял. Кстати, в "обезьяннике", по моим трехдневным наблюдениям, чувство солидарности развито сильно. Все одинаковы, будь ты русский, папуас, чеченец – неважно – все невинные жертвы "ментовского" произвола. Я был уверен, что кивнувший мне азербайджанец, позвонит... Так оно и вышло. Он действительно позвонил, и благодаря его звонку я оказался на свободе сравнительно быстро.

Когда подключившиеся родственники забили во все колокола, в милиции поняли, что я не "безхозный", и что просто так учинить со мной произвол не получится, мне принесли протокол, чтобы я с ним ознакомился и подписал. Из этой бумаги я узнал, что меня задержали в рамках программы "Вихрь-антитеррор", как подозрительное лицо кавказской национальности в районе метро "Таганская" на Калитниковской улице, которое при приближении сотрудников органов правопорядка стало нецензурно в их адрес выражаться. А когда у неизвестного лица потребовали предъявить документы, оно попыталось скрыться, и оказало сопротивление двум сотрудникам милиции при задержании.

Такой откровенной "липы" я увидеть не ожидал и, естественно, возмутился, сказав, что подписывать "лажу" не собираюсь. На что работники отделения мне возразили: "Домой побыстрее хочешь? Подпишись. Не согласишься, то начнут разбирательство, кто прав, кто виноват, и ты еще дольше просидишь". И я написал "согласен", лишь бы побыстрее выйти на свободу. Но этим мои хождения не закончились.

В понедельник приехал уже знакомый подполковник и, окольцевав браслетами, доставил меня в ГУБОП, на Садовую-Спасскую. Начал "пытать": "Ну что, ничего нового не вспомнил, пока сидел? Этого знаешь, того знаешь?". Я говорю, нет. И пошел поехал. На что он рассчитывал, я не знаю. Может, на то, что я в итоге сломаюсь? Но я был спокоен, так как знал, что родня – в курсе и, если надо, поднимет шум в прессе, со стороны депутатов, правозащитников. В конце концов, подполковник ГУБОП понял, что признаний из меня не выбить, и спросил, буду ли я с ними сотрудничать. Я сказал, что, конечно, буду. Тогда он положил передо мной бумаги, чтобы я их подписал. А я в ответ: "Вы меня не так поняли. Я имел в виду, что буду помогать восстанавливать экономику Чечни. Ведь я же экономист". В общем, убедившись, что голыми руками меня не взять, они, скрепя сердце, меня отпустили.

Буду ли я патриотом России? Это зависит от ее отношения ко мне. После той "памятной" встречи в первый же день появления в родной стране я не знаю, что и думать... Но все равно, как поет Шевчук: "Родина, пусть кричат уродина, но она мне нравится...". Несмотря ни на что, мне было приятно снова увидеть наши серые, грязные пятиэтажки. А когда меня закинули в камеру, я окончательно почувствовал: вот я и на Родине.

Записал Усам ОЗДЕМИРОВ

P.S. Фамилия героя повествования изменена.

Как стать патриотом России

Возможность поразмышлять над этим предоставили по-отечески менты лицу кавказской национальности в "интеркамере" на Таганке

Случайная встреча с одним из моих старых знакомых – Русланом Межидовым – на одной из столичных улиц поначалу не претендовала на исключительность.

Мало ли таких встреч бывает? Встретились, поговорили, вспомнили общих знакомых, обменялись телефонами и обещаниями позвонить и разбежались... Но то, о чем поведал мне Руслан, в привычную схему укладываться не хотело. Я знал, что еще в конце прошлого года от безысходности он выехал в Германию и находился там на положении беженца из Чечни, и его возвращение несколько озадачило меня.

Словом, встретились мы с Межидовым во время его вынужденной пересадки на пути из Дюссельдорфа в Грозный. Четыре месяца в Германии на положении беженца Руслану вполне хватило на то, чтобы понять, что автомобильная жизнь ему не по душе, и он решил вернуться в Россию. С этого момента и берет начало рассказанная им история.

мании же я вообще бесправный. Правда, там меня никто не обижает. Но я не имею права работать. Я должен существовать на 400 марок, которые дают. И никаких перспектив. По меньшей мере, на протяжении 7 лет. Если ты 8 лет официально живешь в Германии и можешь это доказать, то тебе предоставляется вид на жительство и право на работу. Это очень долго и практически нереально. Потому что, когда пройдет 7 лет, они тебя "вытурят" под любым благовидным предлогом. С каждым годом требования все более ужесточаются. В Германии 9 миллионов иностранцев, из них только курдов 3 миллиона.

Знакомство с Германией даром для меня не прошло, я сделал для себя некоторые открытия. Пришло понимание того, с каким трудом достаются деньги. У немцев куча денег, но, тем не менее, они экономят каждую копейку. Я увидел, как создаются вся эта красота и благосостояние: на самом деле, тяжелым ежедневным трудом. И плюс ко всему они за свою Родину болеют, каждый немец. И они гордятся, что они немцы. Ведь у них в самые тяжелые времена разрухи никогда даже мысли не возникало эмигрировать в другую страну. Когда разбомбили в 1945 году всю Германию, ни один немец не уехал, все остались восстанавливать свою Родину. У них есть чему поучиться: чистоте, порядку, пунктуальности. Это в принципе не сложно. Смотришь на палисадник перед немецким домом

республику, решил я. Никому мы за рубежом не нужны. Надо сжать зубы, засучить рукава и поднимать свою Родину. Если нас оставят в покое, мы это сделаем. Я решил: вернуться домой и займусь восстановлением своего разрушенного дома (конечно, если будут деньги). Пусть он будет уютный, с красивой лужайкой. И буду патриотом Чечни.

Консульство дает добро

Желание вернуться у меня было, но была и проблема: к тому времени я утратил непонятно где и как свой загранпаспорт. Пришлось обратиться к российскому вице-консулу в Бонне Олегу Бочарову. При первой встрече он меня обнадежил – мол, нет проблем. Зато когда я пришел в консульство в следующий раз, выяснилось, что мне надо ответить на "пару вопросов". "В связи с событиями в Чечне и в ваших же интересах, чтобы не возникло никаких недоразумений при въезде в Россию, придется послать запрос", – пояснили мне.

Тогда у меня и зашевелился впервые червь сомнения: так ли это на самом деле? Но в моем положении было не до размышлений, и пришлось мне отвечать на странные вопросы, которые в моей голове плохо увязывались с утерянным паспортом. Я пояснил

ности, силовика уже готовы к встрече?

И получил исчерпывающий ответ: – Ну, что Вы!? Вы же ничего не совершили...

– Я-то ничего не совершал, – пояснил я вице-консулу, – но с российской правоохранительной системой знаком. И знаю, что порой случается с чеченцами...

То, что я прилетел точно в Россию, мне стало понятно прямо в зале паспортного контроля аэропорта Шереметьево, когда увидел за стойкой крепких молодцев в штатском прямо таки впившихся взглядами в меня. В этой ситуации только дурак не догадается, что будет дальше. И не успел я оказаться на российской территории, как, представившиеся сотрудниками уголовного розыска хлопцы, аккуратно доставили меня в местное отделение. Там меня уже ждали люди в милицейской форме – подполковник и капитан. И не представившись, без лишнего предисловия начали "работать по полной программе", задавая мне все те же вопросы, что и в консульстве, но уже сопровождая их зуботычинами и пинками. Отвечаю. Не понимают. "Врешь", – кричат. Думаю, весь запас ненормативной лексики этими господами офицерами при "разговоре" со мной был использован полностью, а потому "Отродье чеченское" и "Все вы чечены – сволочи",

что пребывание в камере подействует на меня в правильном смысле, погрузили в милицейское авто и... Так, я попал в отделение милиции в районе станции метро "Таганская".

Правда, пока мы до него добрались, подполковник поинтересовался моей московской родней и тут же безапелляционно заявил, что и она мне не поможет. Но спохватившись, все же поинтересовался, где и кем мои родственники работают. Я объяснил, что один из них – журналист и работает в газете одной известной партии, а другой – тоже журналист, но работает в тиражной общероссийской газете.

"Борцы с терроризмом" удивились: – У тебя все родственники журналисты? – Да нет, эти двое закончили журфак МГУ, давно живут в Москве, – сказал я. – Есть среди них еще и юристы, и адвокаты.

Думаю, что рассказ о родне, в значительной мере избавил меня от побоев в те трое суток, что я провел в камере на Таганке. Они прошли на удивление настолько спокойно, насколько это возможно в холодной камере на голых нарах.

"Таганка", зачем сгубила ты меня...

Помню, когда меня определяли в "обезьянник", дежурный посмотрел сопроводилку и сказал: "Ого! Тебя "круто" взяли, силами ГУБОП, так что ты у нас большая шишка". Тогда же я попросил его или дать мне возможность, или самому позвонить родне, чтобы она не волновалась – мол, я прилетел, но в аэропорту меня задержали.

Но, как и следовало ожидать, позвонить мне не дали. Да и дежурный сам звонить не собирался. – Я не буду никакой телефон записывать, – как и следовало ожидать, отвечал дежурный. – Запишите на всякий случай, –